

УДК 304

DOI: 10.17223/1998863X/56/20

Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская

АГЕНТНАЯ ПОЗИЦИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Статья касается процессов, происходящих в современном российском городе и затрагивающих такое явление, как активизация жизненной позиции людей с инвалидностью в отношении проблем доступности городов. Мы покажем, с какими проблемами сталкиваются люди с инвалидностью и другие граждане и какой опыт приобретают в попытках обнаружить себя в публичных пространствах, активировать коммуникацию и выступить с инициативой по поводу коллективных интересов.

Ключевые слова: инвалидность, маломобильные, доступная среда, город, публичное пространство, агентность.

Введение

После подписания в 2008 и ратификации в 2012 г. Конвенции о правах людей с инвалидностью в России предпринимаются систематические усилия по расширению доступа к физическому окружению, транспорту, информации, здравоохранению, образованию и занятости, а также другим объектам и услугам. В этих целях с 2011 г. в рамках госпрограммы «Доступная среда» ежегодно выделяются десятки миллиардов рублей. На нынешнем этапе реализации программы приоритетами являются в том числе «увеличение доли доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры в общем количестве приоритетных объектов (до 61,8% к 2025 г.)»².

По данным Федерального реестра инвалидов, в октябре 2019 г. в стране было 11,95 млн инвалидов³. В 2015 г. в России насчитывалось более 40 млн маломобильных граждан (эта категория включает не только людей с инвалидностью) – 27,4 процента населения⁴. Количество нуждающихся в более доступной городской среде еще больше: это и взрослые с детьми на колясках, пожилые, утратившие зоркость и подвижность, люди, испытывающие немощь ввиду временного или хронического нездоровья, пешеходы с тяжелыми сумками, люди на роликах, самокатах и др.

Люди с инвалидностью, как и другие маломобильные группы, долгое время не допускались к участию в принятии решений, социальному миру в целом, в том числе из логистических соображений – из-за недостатка условий [1. Р. 209]. В постсоветской ситуации, несмотря на многие существенные из-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках научного проекта № 18-18-00321.

² Госпрограмма «Доступная среда». <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/3/0>

³ Интерфакс 03.12.2019. <https://www.interfax.ru/russia/686454>

⁴ Паспорт госпрограммы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 1.12.2015 № 1297. <http://zhit-vmeste.ru/gosprogramma-dostupnaya-sreda/>

менения, физическая и социальная изоляция людей с инвалидностью по-прежнему сохраняется. Однако люди все чаще проявляют себя как активные субъекты, выступающие в публичном пространстве за инклюзию и доступность городов.

Понятие публичного определяется в социальной теории через противопоставление приватному. Публичное – значит открытое и связанное с коллективными интересами, коммуникацией и диалогом [2]. Если рассматривать городское пространство в аспекте публичности, то это не просто локации – площади, улицы, построенные объекты. Это всегда пространство, находящееся и создаваемое *между* людьми посредством речи и действий [Там же. С. 69]. Это не статичная сущность, но гибкий перформативный процесс, который создается и пересобирается дискурсами и поступками агентов, наполняется разделяемыми смыслами и эмоциями.

Активная жизнь означает «выступление-в-явленность», основывается это действие на некоей инициативе, которую субъект сам предпринимает [Там же. С. 229]. Речь идет об агентности как способности индивида к общественно важному политическому говорению и действию. Она появляется у человека при условии заметности, способности к взаимодействию с другими, способности и возможности проявлять инициативу [3]. При этом человек ориентирован не только на себя, но и на мир, мотивирован не столько личными, сколько коллективными интересами. Публичность, таким образом, становится необходимым условием, фасилитатором агентности.

В этой статье нас интересует, как городское пространство становится публичным и какова роль людей с инвалидностью и других акторов в формировании дискуссий по вопросам доступности городского пространства. Статья построена по четырем условиям агентности на основе идей Арендт, которые применяются к анализу 30 качественных интервью, собранных летом 2019 г. в Казани, Самаре, Саратове и Томске. Мы выражаем признательность коллегам, которые провели интервью в этих городах с местными экспертами-активистами из числа людей с инвалидностью, промоутерами интересов маломобильных граждан, исследователями, блогерами, авторами заметок в СМИ и социальных сетях. Кроме того, было проведено десять интервью в методологии *walk along*¹ [4]. Информантами на прогулке выступали представители наименее мобильных групп городских жителей².

Заметность субъекта

Люди появляются друг перед другом ради признания. Если потребности и право граждан на доступную среду не признаются другими членами общества и / или градоначальниками, идентичность остается скрытой, незамеченной. Нередко инвалиды не могут воспользоваться благами, предоставляемыми муниципалитетом и НКО, посетить спортивные центры и учреждения культуры «лишь потому, что не могут выйти из дома. Существует служба социального такси, но воспользоваться их услугами невозможно без посторонней помощи (отсутствие лифта и злополучные семь ступенек)» (СамЭ2).

¹ Данная методология представляет собой сочетание интервью с участвующим наблюдением в процессе прогулки с информантом.

² Обозначения: KWA – интервью на прогулке, КЭ – интервью с экспертом в Казани; TWA, ТЭ – Томск; СамЭ – Самара; СарЭ – Саратов.

А в Томске, говорит информант, чтобы воспользоваться социальным такси, нужно ждать полмесяца, на весь город всего лишь две машины. Между тем многие ведут активный образ жизни, работают, встречаются с друзьями, им необходим доступный транспорт (ТЭ1).

Нормативы и реалии доступности расходятся во многих учреждениях. Это и банковская сфера, и полиция, и здравоохранение: например, не предоставляют сурдопереводчика, отказывают в приеме (ТЭ7). Наша самарская информантка не смогла пройти курс реабилитации в областной клинической больнице в связи с отсутствием условий в кабинетах врачей и даже в платных палатах. Она, ведущий специалист организации инвалидов, «которая читает лекции о правах пациентов, о том, как нужно бороться за них и их отстаивать, не смогла воспользоваться этими правами» (СамЭ2). Многие объекты остаются недоступными даже после реконструкции из-за нарушений нормативов при переделке, пандусы ведут к лестничному пролету, междверным порожкам и другим препятствиям (ТЭ8, ТЭ9). Магазины, аптеки, а также интересные места – например, музеи, Дом татарской кулинарии, выставки, – неприступны (КWA1).

Если инвалидность не признана социумом как многозначное понятие, мало кто может участвовать в конструировании ее разнообразных смыслов [1. Р. 204]. И если участники городского пространства и допускали, что где-то там, в приватной сфере, у себя в квартирах или в домах-интернатах существуют дети и взрослые с инвалидностью, каким-то образом живут, питаются, получают лечение, то появление девушки на коляске в кафе или каком-то другом месте проведения досуга вызвало удивление: «какая ты классная, молодец, что ты выбралась в караоке!» (ТЭ2).

Пространства потребления, как пишут исследователи городов, – это псевдообщественные пространства [5], не общественные, а общие. А потребитель – худший враг гражданина [6]. Однако эти локации становятся сценами, где происходит культурное признание новых проектов идентичности. Тем самым окружающие уже начинают понимать, что у людей с инвалидностью есть другой уровень потребностей – «в культурном взаимодействии и просто отдыхе» и что жизнь человека с инвалидностью такая же, как у обычных людей, просто с ремаркой, что они не ходят, а, скажем, ездят на коляске (ТЭ2).

Стать видимым перед другими означает не просто раскрыться, выйти из тени, но и произвести перформанс идентичности, проявить «публичное Я». Появление людей с инвалидностью на публике вызывает разные реакции. Наш томский информант рассказал, что ему надоело чувствовать удивление и восторг окружающих, когда те сравнивают с ним своих «здоровых друзей», которые не занимаются спортом: «Получается, что опять же это система, в которой нужно что-то добиваться, преодолевать. А уже как-то начинаешь уставать быть героем, постоянно кому-то что-то доказывать» (TWA2).

Публичность связана с общением и опытом встреч с незнакомыми, с познанием нового и удивлением, вызовами, способными поколебать каноны и истины [7, 6]. Эти встречи и столкновения ожиданий выражаются в разных эмоциях и последствиях. Нам рассказали о том, как уже существующие технологии отключают по просьбе остальных граждан, которым мешают, например, звуковые светофоры в какое-либо время суток (TWA2). В Казани

известны аналогичные случаи: из-за жалоб граждан отключили громкоговорители, которые произносили номер автобуса на остановках (КЭЗ).

Появляясь перед другими, заявляя свое «публичное Я», люди с инвалидностью встраиваются в плюральность публичного пространства, сеть человеческих отношений, которая сформирована предыдущими действиями других. И эти другие не всегда принимают в расчет особые реалии, в которых живут люди с ограниченной мобильностью. Те, кто против создания доступной среды для инвалидов, считают, что их интересы тем самым ущемляются, «многих начинает раздражать, что так много времени уделяется нуждам инвалидов» (ТЭ9), «зачем столько парковочных мест для инвалидов, зачем мне в доме пандус, у меня в доме инвалид не живет» (СамЭ1). Поэтому недостаточно своим присутствием обращать внимание на проблемы доступности среды, необходимо открыто заявлять о своей позиции, объяснять ее. Наши информанты – эксперты, активисты – делились опытом: «выходить на улицу ежедневно, быть частью общества и открыто говорить о проблемах, потребностях и производимых изменениях» (ТЭ5).

Все эти «выступления-в-явленность» [2. С. 229] требуют умения рационально формулировать проблемы (ТЭ2), а также обращаться от лица общественной организации или в качестве специалиста по доступной среде как эксперта, «потому что один в поле не воин» (ТЭ1); объединяться, «искать единомышленников и пути решения проблем, когда они возникают» (ТЭ6).

Возможность коммуникации

Публичное пространство характеризуется плюральностью – разнообразием представленных там людей и точек зрения и тем самым делает возможной уникальность каждого. Х. Арндт подчеркивает значение политического равенства внутри полиса, но показывает, что при этом само собой разумеющимся принималось существование в городе-государстве «неравных», которые там составляли большинство [2. С. 43–44].

В современном публичном пространстве некоторые условия могут ограничивать такого рода равенство, например, социальные, культурные или коммуникативные различия [3]. Нередко агентность субъекта с инвалидностью ограничена тем, что окружающие акторы слабо социализированы в новых нормах, не сформирована инклюзивная культура. Незрячий информант, эксперт из Казани, рассказал нам о своих интеракциях с автовладельцами-нарушителями правил парковки, которые вели себя оскорбительно (KWA2).

Одного желания выступать в явленность и коммуницировать с окружающими недостаточно, необходимы институты, фасилитирующие такое участие. Развитие таких институтов, встраивание их в культуру повседневности – далеко не быстрый процесс (ТЭ9). Некоторые учреждения, организации известны своим человеческим отношением, и хотя этот фактор оставляет проблему доступности нерешенной, в каждом конкретном случае у пользователей появляется шанс решить свою задачу, получить услугу от выходящих наружу сотрудников (ТЭ2). Но не всегда достаточно «услуги на вынос», хотелось бы заходить в магазины, банки, кафе, везде, куда попадают все желающие: «мне хотелось бы на товар самому посмотреть, а не со слов иметь представление» (KWA1).

Новое социальное время характеризуется большей открытостью и доступностью публичного пространства. Городская среда, по мнению экспертов, «точно изменилась, в первую очередь, с человеческой точки зрения: люди на улице сегодня гораздо чаще оказывают помощь, гораздо больше интересуются тобой... в хорошем смысле слова, но периодически встречаешься с такими советскими издержками обслуживания... когда ты пришел с кем-то, но разговаривают не с тобой, а с сопровождающим» (СамЭ7). И хотя городское пространство в целом остается мало приспособленным, «появилось больше информации, как решать проблему. И смелости в принятии решений, так как знаешь о положительном опыте людей» (СамЭ3).

Информанты вспоминают, что лет пятнадцать назад они могли слышать в свой адрес насмешки от окружающих, от прохожих, «невозможно было гулять... сейчас помогают окружающие» (ТЭ4). Информанты видят причину трансформации социальных установок во взрослении людей: «приходит понимание, что... инвалидом и маломобильным гражданином может стать каждый» (СамЭ2). Другой эксперт развивает мысль о взрослении социума: ситуация меняется в лучшую сторону: это «снижение роли „крутизны“ и „понтов“ в обществе, и принятие разнообразия в других людях, и ощущение глобальной открытости всему миру» (КЭ5). Горожане становятся более чуткими к разнообразию: «Если говорить о менталитете граждан, то благодаря активности нашего брата, действительно отношение меняется. Это потому, что мы начали обращать внимание на то, что доступная среда – это не для инвалидов, это для жителей города» (СамЭ1). Тем самым меняется степень доступности публичного пространства – оно становится более открытым и инклюзивным.

Возникает вопрос, доступность – это цель или условие публичности? Скорее всего, это взаимосвязанные элементы. Чтобы изменить позицию людей, «единственный способ что-то с этим сделать, это говорить, просвещать людей. Чтобы люди узнали, поняли, что они полноценные члены общества, городского пространства», которые имеют на него право (СамЭ7). Раньше водители общественного транспорта удивленно смотрели на людей с инвалидностью, но теперь троллейбусы с низким полом или автобусы с пандусом стали обычным делом (ТЭ2). Раньше всех все устраивало, но технологии меняются: звуковые устройства, тактильная плитка, удобный транспорт – «люди должны понимать, что можно жить лучше» (СамЭ7).

Публичное пространство выступает фасилитатором агентности. Однако оно не может пониматься как фиксированный контейнер, в который помещаются индивиды и группы с активной позицией. Это сами люди создают публичное пространство.

Нужно разбираться в системе ответственности за улучшение доступности и качества городской среды в целом (ТЭ8, ТWA1), но как быть, если эта система пробуксовывает (ТЭ4)? Бюрократизм – часть системы барьеров, которые не позволяют осуществляться обратной связи, тормозят коммуникации в публичном пространстве. И хотя вроде бы никто систематически не противодействует «улучшению доступной среды, но проактивной позиции по снижению дефектов... со стороны вовлеченных работников пока не ощущается» (КЭ5). Частных предпринимателей и нерадивых чиновников, «которые ссылаются на недостаток средств, можно заставить что-то выполнить только с

привлечением серьезных инстанций», например прокуратуры (ТЭ4; КЭ7). Саратовский информант высказался о безответственности местных властей, сравнив город с армией: «Если армию поставить по уставу, ни один солдат не выживет... офицеры, солдаты, прапорщики... никто не сможет. Потому что *спустили рукава*. То же самое и в городе: спустили рукава» (СарЭ3).

Настоящее время – это время личной ответственности и возможностей индивида и коллективных усилий: «Мы отошли от времени Советского Союза, когда государство было „должно“. Сейчас по сути каждый человек ответствен за свой город... *Если бы каждый задумывался об этом, уже было бы хорошо*» (ТЭ9). Очевидно, необходим посредник, соединяющий чиновников с гражданами. Наилучший вариант, как полагает информант из Казани, «это тандем властей города с людьми с ОВЗ. У первых есть ресурсы, у вторых понимание, что и как нужно менять в инфраструктуре города, чтобы это было эффективно» (КЭ3). В ряде других случаев диалог переходит к делу: с привлечением общественной экспертизы тестируют те или иные властные решения, проверяют технологии и объекты на их работоспособность, безопасность (СамЭ6).

Однако наладить конструктивное взаимодействие удастся не всегда: «наша инициативная группа попыталась пообщаться с администрацией нашего района, нас обещали пригласить за круглый стол, но не сделали этого» (КЭ1). И даже если диалог начинается, то «зачастую постепенно сходит на нет. Как фактически прекратилась, например, работа Общественного совета по делам инвалидов» (СарЭ1).

В других регионах нам рассказывали о различных информационных технологиях и сетевых ресурсах, онлайн-приемных, чатах и опросах. Проблема устраняется не всегда, «но реагируют, что-то отвечают» (ТЭ7). Некоторые информанты отзывались скептически о результативности такого рода коммуникаций (ТЭ5), вероятно, потому, что некоторые из таких площадок созданы искусственно (СамЭ7).

Активные пользователи развивают собственные небольшие проекты по просвещению граждан, как наш эксперт из Самары, который ведет программу в голосовом чате Библиотеки для слепых: «Мы будем рассказывать про различные технологии и просто про среду. В основном, конечно, это будет связано с электроникой... но будут затронуты разные вопросы» (СамЭ6).

Участие в таких пространствах коммуникации позволяет заявлять о потребностях индивидов и групп, тем самым вносит вклад в создание постиндустриальной публики с множеством голосов, заявляющих о своих правах на доступное и комфортное жизненное пространство.

Свобода начинаний

Способность и возможность начать, проявить инициативу, действовать – это третье условие агентности. Вхождение в мир, участие в публичном пространстве Арендт называет политическим рождением. И пусть «*у нас не будут все зажигать факелы* и во всем разбираться, но вот есть какая-то у человека своя зона ответственности и интереса, от которой глаза горят. И если каждый человек хотя бы чуть-чуть начнет что-то делать, задумается, а что я могу сделать для своей страны, города, семьи даже, то мир будет лучше» (ТWA1).

В той или иной мере в изменении городской среды заинтересованы и готовы участвовать практически все, убежден эксперт (СамЭ6), например, активисты ТСЖ, некоммерческих организаций, волонтерские отряды, все, кому не безразлична судьба города и его жителей. Не готовы участвовать «люди с низкой гражданской ответственностью или потерявшие веру в закон и власть» (СамЭ2), те, кто не понимает, какие изменения нужны (ТЭ9); не знают, куда обращаться (ТЭ8), у них нет инструментов участия (СамЭ6). Была бы среда, «более приспособленная под инвалидов, многие пассивные члены общества смогли бы переродиться в активистов!» (СамЭ2).

Добрососедское отношение, поддержка порождают чувство сопричастности и желание помогать в ответ: «Когда-то мне люди помогли, потом у меня возникло желание быть полезным» (ТWA2). Информанты полагают, что рост общественной активности «сегодня – это общероссийская тенденция... Раньше людей больше волновал вопрос покушать, личных материальных интересов», а сегодня чаще слышны разговоры о достоинстве, о гражданской позиции (СамЭ7).

Наши эксперты солидарны: необходимо внимательное человеческое отношение к отдельным случаям, и «только попробовав использовать, например, банкомат без зрения, можно понять, что это невозможно без посторонней помощи, а значит, нарушает безопасность финансовых средств человека» (ТЭ8). Это один из лейтмотивов в интервью – вовлечение публичных персон в испытания: «Значимым эпизодом изменения восприятия для меня стало участие в прогулке на инвалидных колясках от инициативы «Город без преград», тогда я на тактильном уровне осознала масштаб и серьезность проблемы» (КЭ4). В разных городах такие эксперименты проводились с активным участием интеллектуалов-экспертов, но чиновники, по рассказам информантов, отказывались сесть в коляску и проехать по городу (ТЭ6, ТЭ9, КЭ1).

В одном из случаев произошла забавная ситуация, когда чиновнику все-таки пришлось сесть в коляску: в 2016 г. в Казани состоялась конференция по вопросам доступности транспорта, в частности, РЖД. Мероприятие проводили на втором этаже вокзала в конференц-зале, но из-за недоступности ее не смогли посетить люди на инвалидных колясках, они «развернулись и уехали. В результате министр соцзащиты [на конференции] сама садилась в коляску и показывала, как надо обслуживать и помогать опорникам» (КWA2).

Задача общества, с точки зрения эксперта, *не сидеть по кухням, обсуждая недостатки*: «если видишь какой-то недостаток, нужно до власти это донести этот сигнал» (СамЭ7). Граждане не должны оставаться «безучастными потребителями. Сейчас для этого есть много возможностей, не выходя из дома» (СарЭ2), саратовский информант рассказал об успехе – по просьбе их общественной организации комитет дорожного хозяйства организовал парковку для инвалидов у бассейна.

Люди предпринимают различные шаги, чтобы их услышали, и некоторые методы оказываются более действенными: «похоже, самый эффективный способ изменения городской среды – это не жалоба, не „хайп“ вокруг проблемы... а возможность постановки вопроса и требование ответить на него по существу» (КЭ5). Нам говорили о важности конструктивной позиции: «Я никогда не подниму проблематику, не предположив возможного решения» (СамЭ1). Эксперт дал свою типологию и периодизацию общественных

инициатив за доступную среду: ранние инициативы в виде перформанса (экстрим-съезд на коляске в шлеме по пандусам) и экскурсий на инвалидных колясках предпринимались для привлечения внимания, и их можно считать успешными, а сейчас – этап плотной кропотливой работы над конкретикой (КЭ5).

Наш казанский коллега, проводивший интервью, – социолог и активист Искандер Ясавеев. После интервью-прогулок, где собеседники встретились с барьерами городской среды, Искандер с его информантами Артёмом и Русланом предприняли ряд мер, разместили фото, карту и сообщение о препятствии в чате «Улицы и дворы Казани 2019», опубликовали ряд статей и репортажей в СМИ: о бордюрах, недоступности мечети и неработающих звуковых устройствах. В течение месяца ряд препятствий был устранен, кроме того, власти города объявили о разработке нового мобильного приложения, которое сможет информировать незрячих и слабовидящих о движении городского транспорта. Так наше исследование стало частью процесса переборки публичного пространства, вызвав к жизни целую цепочку обсуждений и действий в коллективных интересах.

Интерес к миру

Отличительная черта постиндустриального, постмодерного времени – это высокая мобильность и свобода от связей, легкость и текучесть [8]. Вместо этого граждане руководствуются индивидуальными и – время от времени – общими интересами [6]. И все же порой на основе общих интересов могут складываться спонтанные публики, временные объединения людей, стремящихся к одной цели [9, 10].

Наши собеседники рассматривают задачу приспособления среды с точки зрения группы и говорят о своем желании помочь другим (ТЭ1). Чувствуя острую необходимость устранения барьера, наш томский эксперт говорит о рисках для многих других проходящих тем же маршрутом горожан: «...решетка по дороге в [ТЦ] Изумрудный город... была просто опасна. Там зубья ливневки, как решетка, а внизу река протекает. Они были в ужасном состоянии, не было возможности проехать, поэтому я все время ездила по дороге. Потом я решила, что важно сообщить, написала в Facebook, откликнулись люди, которые могут влиять на этот процесс, и через 48 часов эта решетка была заделана, что повысило не только мою личную безопасность, но и маленьких детей, которые на самокатах гоняют, они вообще могли провалиться, человек мог просто споткнуться в темноте и сломать ногу» (ТЭ2).

Доступная среда нужна многим людям, говорит эксперт-активист: «это мамы с колясками, дети на самокатах и роликах, пожилые люди, слабовидящие и слабослышащие люди, получившие временную травму... Существует много общественных организаций, представляющих интересы различных социальных групп, которым нужна доступная среда. Стараемся сообщать формулировать совместные требования в адрес властей» (ТЭ3). Среди таких организаций – ВОИ, общества слепых, слабослышащие активисты, а также другие организации и благотворительные фонды (ТЭ6; KWA2). Так постепенно формируется новая публичность [11] – вначале создаются возможности для участия, затем эти практики становятся привычными как для непосредственных пользователей, так и для окружающих.

Велосипедисты, исследователи, руководители социально значимых проектов, исследователи, эксперты включаются в движение по доступной среде. Для Ильи Евлампиева доступная среда – «лишь один из полигонов общей человеческой этики: добиваться надо тех изменений, которые помогают окружающим тебя слабым и твоей „слабой сущности“, а тем изменениям, что помогают окружающим тебя сильным и твоей „сильной сущности“ надо препятствовать» (КЭ5).

Возможно ли пространство, доступное и комфортное для всех без исключения? Как организовать совместное проживание в мире? Мире, который связывает и разделяет тех, для кого он общий, «в том же смысле, в каком, скажем, стол стоит между теми, кто сидит вокруг него» [2. С. 69]. Информанты рассказывали о некоторых противоречиях доступности с позиций разных групп маломобильных горожан (см. о категориях маломобильных в [12]). Что касается групп с неодинаковой мобильностью, здесь конфликт еще более очевидный – то, что удобно человеку на коляске или незрячему, может сокращать комфорт автомобилиста или, скажем, паркурриста.

Наш казанский эксперт высказался против того, чтобы были услышаны абсолютно все потребности. Горожан с высокой мобильностью и властным ресурсом он называет «сильными сущностями» и выступает за «адвокацию» интересов тех, чьи голоса не слышны, кто сам не может достучаться до высоких чиновников. Чтобы выдержать экзамен на этичность, «сильные должны брать инициативу в свои руки, быть более совестливыми и солидарными, чем те, кто находится на слабой позиции» (КЭ5).

Заключение

Публичное пространство создается как паутина связей и смыслов между людьми в процессе интеракции по поводу обозначения своей идентичности, коммуникации с другими и инициативных начинаний по поводу общественно важных вопросов. Перформанс идентичности наполняется эмоциями и смыслами и сопровождается различными реакциями окружающих. Особенно яркие эффекты достигаются в тех случаях, когда люди с инвалидностью появляются в таких ситуациях и ролях, к которым обыватели не привыкли. Так, рамки и форматы публичности меняются, пространство становится более открытым и инклюзивным. Однако участие в публичном пространстве не означает автоматически сокращение социально-экономических дистанций или расширение доступности городского пространства. Попытки рационального диалога и спонтанных действий не всегда приводят к желаемому результату, могут вести к отказу в агентности.

В публичном пространстве представлены агенты с неравными позициями, навыками коммуникации и шансами быть услышанными. В условиях, когда новые социальные нормы не интериоризированы большинством окружающих, необходимы институты и другие акторы, фасилитирующие участие новичков, менее сильных в публичном пространстве. Создание и рефлексивная пересборка [13, 14] публичных пространств с участием людей с инвалидностью и других ранее молчавших и замалчиваемых субъектов указывают на социализацию общества, в котором становится возможным выражать мнение. Появляется перспектива влиять на решения и действия, ощущать открытость и ответственность на разных уровнях, начиная с индивидуального.

Список информантов

- KWA1, м., 47, высшее, использует коляску.
 KWA2, м., 28, неоконч. высшее, предприниматель, спортсмен, незрячий, использует трость.
 КЭ1, ж., 59, высшее, репетитор, использует коляску.
 КЭ3, ж., 28, высшее, юрист, психолог, инвалид по зрению.
 КЭ4, ж., 33, высшее, социолог, руководитель НКО, журналист, высшее, без инвалидности.
 КЭ5, м., 33, высшее, блогер, без инвалидности.
 КЭ6, ж., 74, высшее, пенсионер, инвалид по слуху.
 КЭ7, м., 29, высшее, паралимпийский спортсмен, специалист по связям с общественностью, фотограф, ДЦП, использует коляску.
 СамЭ1, ж., 33, высшее, директор НКО, хореограф, член общественных советов, консультант по инклюзии и доступности, использует коляску.
 СамЭ2, ж., 40, среднее специальное, член общественных советов, консультант по доступности, автор статей в газету, использует коляску.
 СамЭ3, ж., 43, высшее, руководитель НКО, использует коляску.
 СамЭ6, м., 23, высшее, консультант министерства, специалист по реабилитации, слабовидящий.
 СамЭ7, м., 28, высшее, общественный эксперт, консультант регионального правительства, работает в библиотеке, незрячий, использует трость.
 СарЭ1, м., 37 лет, высшее, руководитель НКО, социолог, Центр социальной помощи семье и детям, ДЦП, пользуется тростью.
 СарЭ2, ж., 43 года, среднее специальное, руководитель отдела НКО родителей детей-инвалидов, мама подростка с ДЦП, использующего коляску.
 СарЭ3, м., 58 лет, среднее специальное, безработный, пользуется тростью.
 TWA1, ж., 29, высшее, педагог дообразования, ДЦП, использует коляску.
 TWA2, м., 39, высшее, кандидат наук, преподаватель вуза, практикующий психолог, незрячий, использует трость.
 ТЭ1, ж., 29, высшее, эксперт ВОИ, использует костыли.
 ТЭ2, ж., 29, высшее, специалист Центра планирования карьеры, использует коляску.
 ТЭ3, м., 40, высшее, специалист ВОИ, активист, использует коляску.
 ТЭ4, ж., 24, неоконч. высшее, юрист по защите прав инвалидов, использует костыли.
 ТЭ5, ж., 27, высшее, координатор инклюзивных проектов, ведет страницу в социальных сетях, использует коляску.
 ТЭ6, ж., 46, высшее, член общественной организации «Союз родителей детей-инвалидов».
 ТЭ7, ж., 33, высшее, руководитель общественной организации, слабослышащая.
 ТЭ8, ж., 34, высшее, исследователь доступности среды, мама ребенка с нарушением слуха.
 ТЭ9, ж., 25, высшее, исследователь проблем инвалидности.

Литература

1. *McCrary L.K.* Hannah Arendt and Disability: Natalty and the Right to Inhabit the World // *Disability and Political Theory* / ed. by B. Arneil, N.J. Hirschmann. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 198–221.
2. *Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.
3. *Thuma A.* Hannah Arendt, Agency, and the Public Space // *Modernities Revisited* / ed. by M. Behrens, L. Lee and A.S. Tekelioglu, Vienna : IWM Junior Visiting Fellows' Conferences. Vol. 29. 2011. <https://www.iwm.at/publications/5-junior-visiting-fellows-conferences/vol-xxix/andrea-thuma-2/> (дата обращения: 25.07.2020).
4. *Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* «Право на город в парадигме мобильности» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2018. № 45. С. 165–173.
5. *Желнина А.* «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // *Лабораториум.* 2011. № 2. С. 48–69.
6. *Паченков О.* Публичное пространство города перед лицом вызовов современности // *НЛО.* 2012. № 117. С. 67–83.
7. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М. : Логос, 2002. 424 с.
8. *Бауман З.* Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
9. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge : The MIT Press, 1989. 301 p.

10. Трубина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / ред. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов. М. : Вариант, 2013. С. 25–34.

11. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Публичная сфера: программа исследования // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / ред. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов. М. : Вариант, 2013. С. 7–22.

12. Киричков И.В. Адаптация объектов современной архитектуры к потребностям маломобильных групп населения // Урбанистика. 2019. № 2. С. 71–81.

13. Sendra P. Rethinking urban public space: assemblage thinking and the uses of disorder // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2015. Vol. 19, № 6. P. 820–836.

14. Campbell E. Public sphere as assemblage: The cultural politics of roadside memorialization // The British Journal of Sociology. 2013. Vol. 64, № 3. P. 526–547.

Elena R. Iarskaia-Smirnova, Journal of Social Policy Studies (Moscow, Russian Federation); Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

Email: eiaarskaia@hse.ru; elena.iarskaia@gmail.com

Valentina N. Yarskaya, Yury Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russian Federation).

E-mail: maria762003@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 223–234.

DOI: 10.17223/1998863X/56/20

THE AGENCY OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN URBAN SPACE

Keywords: disability; limited mobility; accessible environment; city, public space; agency.

In modern Russia, despite many significant changes, the physical and social isolation of people with disabilities remains. However, people are increasingly manifesting themselves as active actors advocating in public space for the inclusion and accessibility of cities. Urban public space is a space located and created between people through speech and action. The authors refer to agency as an individual's ability to the socially important, political speaking and action. It appears if a person is visible, capable and willing to interact with others, to take on the initiative, be motivated not only by one's own interests, but also by the worldly attachment. The authors show what problems people with disabilities and other citizens face, what experience they gain in trying to find themselves in public spaces, to activate communication, and take on the initiative in collective interests. The article is based on Hannah Arendt's ideas that the authors apply to the analysis of 40 qualitative interviews collected in the summer of 2019 in Kazan, Samara, Saratov, and Tomsk with local experts—activists, including ten interviews in the walk-along methodology. The study showed that public space is created as a web of connections and meanings between people in the interaction regarding the designation of their identity, communication with others, and initiatives on socially important issues. The performance of identity fills the space of communications with new emotions and meanings and is accompanied by various reactions of others. Thus, the scope and formats of publicity are changing, the space becomes more open and inclusive. Participation in public space does not automatically lead to a reduction in inequality or an increase in the accessibility of urban space. In the conditions when new social norms are not internalized by the majority of surroundings, institutions and other actors are needed to facilitate the participation of the less powerful in public space.

References

1. McCrary, L.K. (2016) Hannah Arendt and Disability: Natality and the Right to Inhabit the World. In: Arneil, B. & Hirschmann, N.J. (eds) *Disability and Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 198–221.

2. Arendt, H. (2000) *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita Activa, or On active life]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya.

3. Thuma, A. (2011) Hannah Arendt, Agency, and the Public Space. In: Behrensen, M., Lee, L. & Tekelioglu, A.S. (eds) *Modernities Revisited*. Vol. 29. Vienna: IWM Junior Visiting Fellows' Conferences. [Online] Available from: <https://www.iwm.at/publications/5-junior-visiting-fellows-conferences/vol-xxix/andrea-thuma-2/> (Accessed: 25th July 2020).

4. Yarskaya, V.N. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2018) The right to the city in the paradigm of mobility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 165–173. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/17

5. Zhelnina, A. (2011) "It's Like a Museum Here": The Shopping Mall as Public Space. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2. pp. 48–69. (In Russian).
6. Pachenkov, O. (2012) Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti [Public space of the city in the face of modern challenges]. *NLO*. 117. pp. 67–83.
7. Sennett, R. (2012) *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man]. Translated from English by O. Isaeva, E.A. Grudnitskaya, V. Sofronov, K.K. Chukhrukidze. Moscow: Logos.
8. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [The Liquid Modernity]. Translated from English by Ya. Asochakov. St. Petersburg: Piter.
9. Habermas, J. (1989) *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge: The MIT Press.
10. Trubina, E. (2013) Publika: kratkiy ocherk ponyatiya [Audience: a brief outline of the concept]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (eds) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi* [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow: Varian. pp. 25–34.
11. Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (2013) Publichnaya sfera: programma issledovaniya [Public sphere: research program]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (eds) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi* [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow: Varian. pp. 7–22.
12. Kirichkov, I.V. (2019) Adaptatsiya ob"ektov sovremennoy arkhitektury k potrebnostyam malomobil'nykh grupp naseleniya [Adaptation of modern architecture objects to the needs of people with limited mobility]. *Urbanistika*. 2. pp. 71–81. DOI: 10.7256/2310-8673.2019.2.29735
13. Sendra, P. (2015) Rethinking urban public space: assemblage thinking and the uses of disorder. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 19(6). pp. 820–836. DOI: 10.1080/13604813.2015.1090184
14. Campbell, E. (2013) Public sphere as assemblage: The cultural politics of roadside memorialization. *The British Journal of Sociology*. 64(3). pp. 526–547. DOI: 10.1111/1468-4446.12030